

**В вихре
времён**

Андрей ЕРПЫЛЕВ

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

Миссия длиною в век

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е78

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *А. Руденко*

Ерпылев, Андрей Юрьевич.
Е78 Личный счет. Миссия длиною в век / Андрей
Ерпылев. — Москва : Эксмо : Яуза, 2017. — 352 с. —
(В вихре времен).

ISBN 978-5-699-94815-4

Офицерская честь превыше смерти. Ведь гибель не может являться уважительной причиной для того, чтобы не выполнить задание. Мог ли себе представить белый офицер, погибший морозной зимой 1918 года от пули чекиста при выполнении ответственной миссии, что ему суждено завершить ее спустя сто лет?

Его сознание переносится в тело российского бизнесмена, внука своего палача. Удастся ли ротмистру Ланскому оплатить личный счет в чужом и страшном будущем, где правят бал корысть и обман?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ерпылев А.Ю., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
ISBN 978-5-699-94815-4 © ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Разруха не в сортирах, а в головах...

М.А. Булгаков. «Собачье сердце»

«Удивительно, как за короткий срок можно испорчить вполне благопристойное жилище! Даже не благопристойное, а, прямо скажем, респектабельное...»

С такими мыслями пробирался в темном и загаженном донельзя — судя по отвратительному «амбре», царящему вокруг, — подъезде Павел Владимирович Ланской, бывший ротмистр лейб-гвардии Кавалергардского полка, бывший дворянин, бывший благородный человек...

Хотя нет — благородным человеком он продолжал оставаться даже в этих скотских условиях, если не по титулу, упраздненному новой властью, так по сути своей — непременно. И сути этой он изменять не собирался.

Зимняя Москва образца 1918 года встретила бывшего ротмистра неприветливо.

Изрядно подутратила свой полувосточный лоск, купеческую обстоятельность и цыганистую лихость Первопрестольная за год большевистского правления, хотя за то же время из второй столицы империи успела стать первой столицей безбожной «Совдепии». Притих стольный град, съезжился, несмотря на многолюдье, заплонившее улицы и площади, стал гораздо скромнее и гораздо, гораздо, гораздо грязнее. Враз превратился город из всегдашнего разбитного

гуляки, принаряженного пусть и по прошлогодней, но истинно парижско-лондонско-берлинской моде, в мрачного оборванного побирущу. Облаченного в потрепанный картуз мастерового, крестьянские опорки, интеллигентское пенсне и заштопанную солдатскую шинель, пропахшую окопом и населенную мириадами упитанных вшей...

Примерно в такую же шинель со споротыми погонами кутался сейчас граф Ланской. Разве что без непрошенных «квартирантов»... Хотя кто может поручиться за последнее после месяца без малого скитаний по разномастным эшелонам, идущим бог знает куда, вопреки всем расписаниям, логике и вроде бы даже геометрии проложенных при «старом режиме» путей?

Точно так же, безо всякой логики, оказались заколочены грубым горбылем двери парадного подъезда особняка княгини М. Теперь, чтобы попасть внутрь, приходилось обходить весь дом, скользя на тропинке, обледенелой от щедро выплескиваемых на нее нечистот. А потом — пробираться внутрь через дверцу черного хода, безнадежно разбухшую от валившего из подвала густого пара и не закрывавшуюся ни почем, несмотря даже на грубо стесанную топором кромку.

— Скоро уже, батюшка, скоро, — прошамкала темнота голосом Митрича, престарелого дворецкого княгини, обитающего теперь в тесной и холодной дворницкой, опять же, вопреки логике, превращенной в форпост пустующих апартаментов. — Вот еще один пролет поднимемся, и тут оно, ваша светлость...

Как ориентировался старик в абсолютной темноте, для графа оставалось загадкой. Вероятно, действовала выработанная десятилетиями верной службы князьям М., почти что генетическая память... Впрочем, возможно, что и генетическая: семейство Мокрецо-

вых служило княжеской фамилии не менее четырехсот лет, о чем, не скрывая гордости, не раз сообщал Митрич молодому графу во времена оные.

— Какая я тебе светлость, старик? — поморщился Ланской в ответ на неуместное сейчас раболепство слуги. — Никакая я не светлость давно... Забыл, что ли, что все чины и звания уже год как отменены?

— Простите старого, — залебезил старик, и граф снова поморщился, вдруг поймав себя на мысли, что морщится в последнее время чересчур уж часто.

«Отвыкать пора бы от чистоплюйства, ваша светлость... — неторопливо, словно тифозная вошь, проползла невеселая мыслишка. — Скоро год как разгребаете кровавое дерьмо голыми руками — никаких перчаток не напасешься...»

Митрич уже отпирал апартаменты княгини и, отомкнув последний замок, почтительно распахнул перед графом двери, склонившись в глубоком поклоне. Так и проступила сквозь выдавший виды облезлый собачий тулупчик лакейская ливрея княжеских цветов...

Павел Владимирович вошел в стильную пустоту огромного и высокого помещения, бывшего когда-то жилищем нежно любимой женщины. Осторожно ступая, он прошелся по анфиладе комнат, с горечью глядя на некогда драгоценный, свисающий ключьями и заиндевший шелк стен, безобразные ямы в штукатурке, напоминающие снарядные воронки, — здесь когда-то крепились выдранные с корнем подсвечники и изящные бра... Не знавший холода последние двести лет паркет вспучился и безбожно хрустел под ногами, а кое-где являл неприглядное нутро подполья, расковыранный штыками и топорами «пролетариев», видимо, искавших княжеские сокровища.

«Хамы... Торжество хама... — думал граф, перешагивая через лоскут скрутившегося полотна с куском

багетной рамы. — Ничего святого: ломай, круши, убивай...»

Даже не разворачивая останки картины, он по характерному орнаменту багета опознал пейзаж кисти Констебла¹, которым не раз любовался раньше. Теперь картина погибла безвозвратно, и не стоило даже нагибаться за жалким остатком творения Мастера...

— Картинами печи топили, ироды! — горько пожаловался Митрич, семенящий чуть позади, словно угадав мысли ротмистра. — Они многие тыщи стоят, картины эти, а матросня с солдатами — знай крушит их прикладами... Я им, дескать, пожалейте, лучше себе возьмите да на стенку повесьте — добро ведь... А они: «Не надобно нам твое буржуйское добро! Портянок из этих картинок не наделаешь — жестко будет!..» И в печь... Егемоны — одно слово, прости, Господи, мою душу грешную...

— Егемоны, старик, егемоны, — поправил Ланской, мазнув взглядом по намалеванной на стене суриком размашистой надписи: «Вся власть Совѣтам!»

— Вот я и говорю: егемоны! Христопродавцы, одним словом...

Павел Владимирович, наконец, добрался до комнаты, которую искал.

Будуар княгини тоже не избежал общей участи, и поэтому особенно больно было глядеть на изуродованное и испохабленное взбунтовавшимся быдлом гнездышко прелестнейшей на свете женщины...

— Подожди меня снаружи, старик, — с некоторым смущением обернулся граф к провожатому, и тот с готовностью закивал растрепанной седой головой:

¹ Джон Констебл (*англ. John Constable*) (1776–1837) — английский художник-романтик. Наибольшую известность ему принесли пейзажи, в частности с видами окрестностей Суффолка, откуда художник был родом.

— Как прикажете, ваша светлость... С превеликим удовольствием...

Когда нежно-розовые двери с вычурной кремовой отделкой, захватанной грязными лапищами, закрылись за лакеем, Павел Владимирович внимательно огляделся.

Конечно же, будуар не избежал пристального внимания «кладоискателей», взломавших паркет, истыкавших штыками стены, вспоровших на них шелковую обивку. Казалось, не осталось в комнате такого уголка, куда бы не забрались жадные лапы мародеров. Но ротмистр твердо знал, что это не так.

Очень мешало ориентироваться полное отсутствие мебели, ведь он никогда ранее не видел это помещение пустым, но все равно определить было можно. Граф в нерешительности постоял пару минут, не зная, какую из двух голландских печей, расположенных в разных углах, выбрать, и решил начать с той, что у окна.

Просто чудо, что хозяйственные мародеры еще не добрались до великолепных изразцов, покрывающих печи от пола до потолка. Без сомнения, керамические прямоугольники с ангелочками, нимфами, рогами изобилия и пышными букетами украсили бы любую крестьянскую избу или поделенную на многих хозяев городскую квартиру... Как, бишь, они теперь называются? Коммуналки, что ли?... О времена, о нравы...

Павел Владимирович отсчитал от потолка нужный ряд и, слегка нагнувшись (что делать: тайник был рассчитан на хрупкую невысокую княгиню, а вовсе не на бравого кавалергарда), принялся методично нажимать на углы плиток, надеясь, что какая-нибудь из них поддастся. Увы, все изразцы сидели как влитые, намертво прихваченные раствором, превратившимся за столетия в камень. Вероятно, последнее обстоятельство и помешало растащить их: ведь какая ра-

бота — аккуратно, стараясь не попортить, скалывать хрупкие плитки! Лучше оставить до лучших времен, таща то, что еще в изобилии «плохо лежит» и так, не требуя затрат «честного» мародерского труда.

Вздохнув, граф перешел ко второй печи, но и тут его попытки оказались безрезультатны.

Неужели он тогда, в далеком девятьсот одиннадцатом году, ошибся, и княгиня вовсе не открывала свой тайник, а всего лишь грела на теплых изразцах озябшие ладони?

Ротмистр так ясно увидел мысленным взором тонкие, почти прозрачные пальчики, которые столько раз покрывал поцелуями, что внезапно почувствовал, как сердце дало сбой.

«Соберись, тряпка! — одернул он сам себя, морщась в неизвестно какой раз, но теперь уже не от гадливости, а от острой иголки в груди, пульсирующей в такт с сердцем, не таким уж молодым уже, и грозящей в любой момент превратиться в штык: четырехгранный металлический прут, пронзающий живую плоть легко, как кисею. — Не хватало еще свалиться с сердечным припадком без чувств...»

— Позвольте, ваша светлость? — раздалось сзади.

— Чего тебе? — буркнул, не оборачиваясь, граф.

— Понял я, ваша светлость, чего ищете-то... — тоже в несчетный раз поклонился старик. — Тайный княгинюшкин ларчик, стало быть...

— Откуда ты...

— Да нешто ж в этом доме секреты от меня были! — всплеснул руками лакей. — Вы бы раньше сказали...

Мелко семена неразгибающимися до конца ревматическими ногами, Митрич шустро проковылял к печи, осмотренной ротмистром первой, и, даже не глядя, ткнул дрожащим пальцем в головку одного из купидонов, целящегося из крошечного лука куда-то за окно. Тайный механизм как-то мелодично скрип-

нул, и одним рядом выше откинулась одна из плиток, на которую Павел Владимирович только что бесполезно давил со всех сторон.

«Не ошибся, стало быть...»

— Извольте, ваша светлость, — с гордостью обернулся старик к окрыленному надеждой дворянину. — Все туточки, в полной, так сказать, сохранности...

Граф сунул руку в тесное отверстие, не рассчитанное на крупную мужскую ладонь, и с замиранием сердца ощутил под пальцами бумагу.

Конверт из плотной темно-желтой бумаги был перехвачен розовой ленточкой, завязанной изящным бантиком, и при виде вещицы, которой некогда касались руки любимой, у Павла Владимировича вновь сжалось сердце.

— Пойду, пожалуй... — озабоченно произнес Митрич, деликатно удаляясь. — Если что — зовите. Залы сейчас пустые, гулкие...

Не в силах сдерживать себя, ротмистр сломал сургучную печать с княжеским гербом, и в руки ему выпал сложенный вдвое листочек верже², все еще хранящей тонкий аромат духов. Ее любимых духов...

«Милый мой Пашенька...»

Ланской стоял, прислонившись плечом к ледяной печи, и не замечал, как по заросшей щеке пробирается вниз тяжелая, словно свинец, слеза.

Вот и все. Два десятка строчек летящим почерком и «вечно твоя Натали» внизу. Больше ничего. Ни адреса, ни указания, где искать.

Но даже если бы он знал сразу, что найдет лишь эти строки, — он все равно пришел бы сюда, чтобы найти их и прочесть.

Письмо не дало ему нынешнего адреса любимой, не подтвердило даже, что она жива, — дата более чем

² Верже — сорт бумаги особой выделки.

полугодичной давности ничего не гарантировала в это жестокое время, — но он теперь знал главное...

— Ваша светлость! Господин граф!..

В голосе старого лакея сквозил ужас, но встрепетавшийся от грез граф уже и сам слышал далекие голоса, шум тормозящих под окнами автомобилей...

Рубчатая рукоять верного «колыга» сама собой прыгнула в ладонь.

— Ты?! — обернулся Павел Владимирович к трясущемуся старику и, не услышав еще ответа, понял: «Не он!..»

— Помилуйте, барин! — сделал попытку повалиться в ноги Ланскому Митрич. — Христом богом...

— Прости, старик... — оборвал его на полуслове ротмистр. — Есть тут другой выход?

— Откуда...

— Тогда уходи. Спрячься куда-нибудь и пережди. Береги себя, старик! А если когда-нибудь увидишь ее, передай...

— А вы, Павел Владимирович?

— Обо мне не думай...

Едва ли не силком выставив плачущего навзрыд слугу за дверь и заперев ее, Ланской подскочил к окну, и тут же сразу несколько пуль рванули раму, зазвенело, рассыпаясь, стекло, надрывно зыкнул от разлетевшегося фарфоровой пылью изразца рикошет...

«Напрасные хлопоты, граф... Обложили, красно... пые!..»

Все равно этот путь вел в никуда. Совершенно гладкий фасад, просматривающийся отовсюду, да еще третий этаж... Далеко бы вы, граф, ушли на сломанных ногах?

Павел Владимирович деловито переложил в карман шинели «наган» и две обоймы для «колыга». К револьверу патронов, кроме семи в барабане, не было, так как еще утром он принадлежал одному чрезмер-

но любопытному парнишке, увязавшемуся за графом. Револьвер, огниво, кисет с махоркой да мягкая бумажка, именуемая мандатом, — вот все, что нашлось в карманах очередного пролетария, повисшего на душе ротмистра мертвым грузом...

Устранив шпика, следовало, конечно, лечь на дно, но Павел Владимирович всегда был фаталистом...

Жаль, конечно, что задача останется невыполненной, но, в конце концов, он не один был послан и не убудет от общего дела из-за какого-то жалкого «винтика», слетевшего с резьбы. Жизнь, в общем, прожита, особенных перспектив в будущем не предвидится... Наташа... Пусть она будет счастлива в своей Европе. Наташа и... Ладно.

Где-то совсем недалеко раздался болезненный вскрик, оборвавшийся на высокой ноте, и Ланской с болью в сердце узнал голос Митрича.

«Эх, не успел укрыться старик... Жаль...»

За дверью раздался топот подкованных сапог, створки упруго прогнулись внутрь.

— Откры...

Закончить ротмистр не дал, разрядив веером в середину филенки сразу полбарабана трофейного «нагана», и с удовлетворением отметил, что одна, как минимум, пуля нашла цель: кто-то дико, по-конски, всхрипнул, и по дереву с длинным шорохом сползло что-то тяжелое.

— Р-раз! — весело крикнул офицер, отскакивая в сторону под прикрытие косяка.

Вовремя — потому что в двери, рядом с темными круглыми дырочками наганных пуль, тут же расцвело несколько расщепистых отверстий от винтовочных пуль снаружи. Вылетели остатки стекол, вспугнутым шмелем прожужжал мимо уха отскочивший от радиатора парового отопления сплюснутый кусочек свинца.

— Врешь, не испугаешь! — пробормотал Ланской, чувствуя, как кровь знакомо вскипает, будто шампанское в бокале, от доброй дозы адреналина, вытесняющего к черту на рога и боязнь за собственную шкуру, и остатки здравого смысла, робко предлагавшего вступить в переговоры.

Еще две пули в дверь, похоже, на этот раз впустую, чей-то срывающийся молодой голос:

— Из «нагана» садит, контра! Щас у него патроны кончатся! Навались, братва!..

«Угу! — злорадно ухмыльнулся офицер, выуживая из кармана «кольт». — Ждите!»

Когда в филенку с треском врезался первый приклад, он выпустил в дверь последнюю пулю, мимолетно отметив короткий стон из-за двери, отшвырнул бесполезный уже револьвер и перехватил тяжелую машинку обеими руками, по-ковбойски, как учил покойный Лешка Голицын, бывший лейб-гусар. Его, кстати, пушка. Досталась по наследству..

«Ну! Не подведи, Америка!»

Заморское чудище глухо рывкнуло, увесисто толкнув в ладони, — и без того превратившаяся в решето дверь украсилась солидной дырой, а снаружи кто-то сдавленно вскрикнул.

Повисла тишина.

— Ничего себе! — пискнул чей-то голос. — «Наган», «наган»! С чего он там бьет-то?.. Видал? Ваське вон полбашки снесло!..

— Мортира ручная, — буркнул граф и добавил громче, просто так, для проформы, поскольку единственный пристойный в этой ситуации выход давно для себя выбрал: — Может, договоримся, православные?

— Чегой-то с тобой говорить?! Сдавайся, контра, и все тут!

— Значит, не православные... — вздохнул Ланской, всаживая по пуле рядом с обоими косяками, где, по логике, скрывались нападавшие...

* * *

Солнце клонилось к западу, и в наполненном стоячими клубами синеватого порохового тумана бывшем будуаре княгини стремительно темнело. Короткий зимний день подходил к концу, а вместе с ним приближалась развязка затянувшейся драмы.

На счастье Павла Владимировича, близ фасада княжеского особняка иных зданий не имелось, иначе красные, заняв позицию напротив окна будуара, давно лишили бы ротмистра пространства для маневра. Да и без этого лично он, на месте их командиров, давно бы бросил пару десятков бойцов напролом через держащиеся на честном слове, изрешеченные пулями и расщепленные двери, чтобы решить проблему в лице неуступчивого офицера штыками. Потери, конечно, были бы неизбежны, но сколько уже и так полегло под кольтовскими пулями? Бог знает...

Однако то, чего не добились красные прицельным огнем, сделали рикошеты. Одна пуля скользнула по щеке и вспорола ухо, но это — ерунда, царапина. Черное дело сделала вторая, тупо ткнувшая куда-то возле правой лопатки. Теперь набрякшая кровью шинель стояла коробом и мешала движениям, а по мышцам спины то и дело пробегала болезненная судорога.

Воспользовавшись коротким затишьем (нападающие, похоже, ждали темноты), Ланской произвел ревизию боезапаса.

Возможно, противнику его арсенал казался неисчерпаемым, но сам-то он знал, что это совсем не так... Да что греха таить, можно сказать, ротмистр остался безоружным: разве три патрона способны решить ис-